

МЕСТО НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ В СЛАВЯНСКОМ ЭТНОГЕНЕЗЕ

Подвергнут анализу материал длинных курганов с целью установления этнического характера носителей этой культуры. На основании сравнительного анализа материалов культуры с материалами синхронной ей славянской культуры пражского типа, а также древнерусскими материалами, которые пришли на смену культуре длинных курганов, автор пришел к ряду выводов. Носители культуры длинных курганов не были славянами. Их культура сформировалась на местной, в основном балтской основе. Длинные курганы появляются уже к VI в., задолго до прихода славян на ту территорию, какую они занимали. Ранние памятники культуры длинных курганов генетически восходят к местным балтским верхнеднепровским культурам, и возникновение их может быть объяснено местным этнокультурным материалом. Как и ее более южные соседи с банцеровской и колочинской культурами, носители культуры длинных курганов были балтами и дожили до прихода славян.

В X в. в длинных курганах появляются типичные славянские сосуды, что свидетельствует о начале смешения носителей длинных курганов со славянами. В тот же период на смену длинным курганам пришли круглые с одиночными захоронениями, типичные и для всех славян Восточной Европы. Этим веком можно датировать окончание функционирования культуры, хотя процесс смешения балтов со славянами мог затянуться и на более длительный срок. Носители культуры длинных курганов были ассимилированы славянами, составив один из субстратов древнерусской народности в северо-западном регионе Руси. Память о них сохранилась в этнониме «кривичи» — славянизированной форме прежнего названия племен с длинными курганами. В этом заключалось их участие в славянском этногенезе.

The present study analyzes the material found in long barrows in order to establish the ethnic background of the bearers of this culture. The author made the following conclusions on the basis of comparative analysis of material of this culture and concurrent Slavic culture of the Prague type and Old Russian materials succeeding the culture of long barrows. The bearers of the culture of long barrows were not Slavs. Their culture was formed on the local (mainly Balt) basis. Long barrows appear by the VIth century, i.e. long before arrival of Slavs to the territory where they were located. Early relics of the long barrows culture are genetically related to local Upper-Dnepr Balt cultures, and their emergence can be explained by local ethno-cultural material. The bearers of the long barrows culture, similarly to their southern neighbours representing Bantser and Kolochinsk cultures, were Balts and lived in the area until arrival of Slavs. In the Xth century typically Slavic vessels start appearing in long barrows — this indicates the beginning of intermixing of the bearers of the long barrows culture and Slavs. Long barrows were succeeded in the Xth century by round barrows with a single burial typical for the rest of Slavic region of Eastern Europe. The end of the culture functioning can be dated to that century, though the process of Balts and Slavs intermixing could last for a longer period. The bearers of the culture of long barrows were assimilated by Slavs and formed a substratum of emerging Old Russian population in the north-west region of Rus. Memory of them is retained in the ethnonym «Krivichi» which is a slavified form of the ancient name of the tribes of the long barrows culture. This reflects their participation in the Slavic ethnogenesis.

Ключевые слова: длинные курганы, этногенез славян.

Keywords: long barrows, ethnogenesis of the Slavs.

Этническая природа носителей культуры длинных курганов и их роль в славянском этногенезе до сих пор определяется в научной и учебной литературе по-разному. Одни считают их славянами, другие — неславянами: балтами, литовцами или финно-уграми [1, с. 102, 103; 2, с. 46; 3, с. 85—113]. До недавнего времени преобладало представление об их славян-

Загорульский Эдуард Михайлович — профессор кафедры археологии Белорусского государственного университета, доктор исторических наук. E-mail: zagor_ed@mail.ru

ской природе. В основе его лежало априорное убеждение в очень раннем заселении славянами Восточной Европы. Их настойчиво искали в местных древностях и еще относительно недавно славянской считали даже финно-угорскую дьяковскую культуру раннего железного века Подмосковья. В пользу идеи раннего пребывания славян на территории средних и северных областей Восточной Европы приводился целый ряд, казалось бы, убедительных аргументов. Исследователи отмечали черты сходства погребального обряда в длинных курганах и в пришедших им на смену в IX—X вв., несомненно, славянских, небольших сферических курганах с одиночными трупосожжениями. Указывали на то, что для тех и других характерны ритуальные кострища, сохранявшиеся в виде зольно-угольной прослойки в насыпи или ямке под основанием кургана. Отмечалось, что культура длинных курганов занимала часть территории будущей Руси и хронологически предшествовала древнерусской эпохе.

Хронологическая сопряженность и территориальное совпадение области длинных курганов с ареалом, куда летописец помещает одну из группировок кривичей, дало основание связывать создателей культуры длинных курганов со славянским племенным союзом кривичей. Однако последующие исследования достоверно славянских памятников, новые данные о времени заселения славянами территории племен длинных курганов, а также о датировке ранних длинных курганов ставят вопрос об этнической принадлежности носителей этой культуры и их отношении к славянскому этносу.

Это тем более важно, что даже в самых последних работах, посвященных появлению городов на территории Беларуси, первыми их славянскими насельниками рассматриваются создатели культуры длинных курганов, на базе древних городищ которых, по мнению некоторых исследователей, формировались первые города — Полоцк, Витебск [4]. Такое представление ведет к ошибочным заключениям о времени появления некоторых городов и об их основателях. С решением вопроса об этническом характере культуры длинных курганов непосредственно связана и проблема начала расселения славян на территории Беларуси.

Проблема начала исследоваться еще в середине XIX в. и рассмотрена достаточно широко. На рубеже XIX—XX вв. курганы изучались такими выдающимися исследователями, как В. И. Сизов и А. А. Спицын [5, 6]. В послевоенные годы к ним подключились М. И. Артамонов, П. Н. Третьяков и И. И. Ляпушкин [7—9]. В 1940—50-х гг. — С. А. Тараканова [10]. В 1950—60-х гг. длинные курганы в юго-восточной Эстонии стали исследовать Х. А. Мора, Э. Д. Шноре, М. Х. Шмидхельм [11, 12]. В 1970-х гг. систематические раскопки длинных курганов в Эстонии проводил М. Э. Аун [13]. Длинными курганами занимались также Я. В. Станкевич [14], Ф. Д. Гуревич [15, с. 54—64].

В конце 1920-х гг. изучение длинных курганов в Полоцко-Смоленском регионе проводилось белорусскими археологами А. Н. Лявданским, И. А. Сербовым и С. А. Дубинским [16, с. 173—176]. В конце 1930-х гг. несколько удлиненных курганов около деревень Поречье и Черневичи были раскопаны Е. и В. Голубовичами. В 1950-х гг. длинные курганы исследовались А. Г. Митрофановым около д. Гуры на р. Сервечь. Позже он исследовал курганы под Полоцком. Несколько длинных курганов раскопал Г. В. Штыхов [17, с. 118—129; 18, с. 41—61; 19, с. 17, 18]. На Смоленщине начиная с 1950-х гг. в течение многих лет большие исследования памятников культуры длинных курганов проводил Е. А. Шмидт [20].

В 1941 г. Н. Н. Чернягиным была опубликована первая сводная археологическая карта длинных курганов [21, с. 93—148]. Особенно много в обобщении результатов исследований культуры проделал В. В. Седов, который особое внимание уделил проблемам происхождения и этнической интерпретации носителей культуры длинных курганов. Результаты и выводы были изложены им в многочисленных работах, в том числе монументальных обобщающих исследованиях [22].

Этническая интерпретация памятников была разная, но некоторые авторы не раз меняли свою точку зрения. С самого начала длинные курганы отождествлялись со славянами не

только потому, что они хронологически предшествуют эпохе Древней Руси и расположены в современном славянском ареале, но и по той причине, что в ряде случаев длинные курганы находятся в одном могильнике вместе с безусловными славянскими сферическими курганами X—XI вв., что давало повод предполагать их генетическую связь и преемственность. К тому же господствовало представление, что славяне были очень древними обитателями Восточной Европы. Носителей культуры длинных курганов отождествляли с летописными кривичами (непременно славянами, хотя следует заметить, что в недатированной древнейшей части «Повести временных лет» первоначально летописец не включал их в число славян).

К середине XX в. представление о славянском характере длинных курганов, как, впрочем, и новгородских курганов-сопок, стало почти всеобщим и вошло во все исторические труды и учебники. Наиболее стойким и последовательным приверженцем представления о славянской принадлежности культуры длинных курганов был В. В. Седов. Он пытался сопоставить ее с другими археологическими культурами посредством сравнительного анализа всех ее элементов, объяснить, как и каким образом этот славянский, по его мнению, народ с культурой длинных курганов смог оказаться в чуждой ему этнической среде. Свою позицию Седов не изменил до конца жизни. И в этом состояла его трагедия. Однако надо отдать должное поразительной работоспособности и умению этого исследователя привлечь разнообразные источники: письменные, археологические, лингвистические, антропологические, этнографические.

В то же время среди ученых оставались и такие, кто сомневался в славянской принадлежности носителей культуры длинных курганов и предлагал иные решения. Среди них — крупные советские исследователи М. И. Артамонов и И. И. Ляпушкин, которые не считали создателей культуры длинных курганов славянами [7, 9]. Последний успешно разрабатывал проблему славянских древностей накануне образования Древнерусского государства. Его научный авторитет был очень высоким, и археологи всегда прислушивались к его мнению. Последующие исследования этногенетических проблем Восточной Европы позволили уточнить период существования культуры длинных курганов в сторону их значительного удреждения, а также дали иной подход в оценке обстоятельств и хронологии славянского расселения на этой территории. Сравнения материалов длинных курганов с синхронными им подлинно славянскими с одной стороны, и местными предшествующими дославянскими памятниками с другой, побуждают вновь обратиться к вопросу о месте носителей культуры длинных курганов в славянском этногенезе [23—26].

Сейчас уже нет сомнений в том, что область, которую занимала культура длинных курганов, расположена в зоне частично балтского, частично финно-угорского ареала, и предшествовавшие ей культуры принадлежали балтским и финно-угорским племенам. А это означает, что если рассматривать культуру длинных курганов как славянскую, то следует признать, что она не развилась на местной неславянской этнической основе, а была пришлой, вышедшей из славянского мира. Поэтому, чтобы признать ее славянской, необходимо доказать следующее: 1) культура не имеет базовых генетических корней в местном, территориально и хронологически предшествовавшем ей материале, т. е. не выросла на местной почве. Некоторые же черты сходства можно объяснить обычным в таких случаях культурным взаимодействием, причем появившимися у нее спустя какое-то время после расселения носителей этой культуры в новых местах как явления субстратного порядка в результате последующих культурных взаимодействий; 2) она не должна территориально совпадать ни с какой местной культурой; 3) культура длинных курганов хотя бы на начальном этапе должна быть если не совсем тождественна, то очень близка общеславянской культуре пражского типа, с которой славяне начали свою миграцию в Восточную Европу, типологически и хронологически. Заметим, что выход славян за пределы своей прародины и распространение их в лесной зоне Восточной Европы не мог иметь место раньше конца V—VI вв. Более того, лингвистика и археология датируют появление славян в этом регионе еще более поздним временем.

Культура длинных курганов не отвечает ни одному из приводимых условий, доказывающих ее славянский характер. Она занимает территорию среднего течения Западной Двины, смоленское течение Днепра, поречье р. Великой около Псковского озера, восточные области Латвии и Эстонии, где до нее обитали неславянские племена балтов и финно-угров. Если считать ее славянской, то она, естественно, не могла возникнуть и развиваться на местной неславянской основе. Следовательно, сторонники славянской принадлежности носителей культуры длинных курганов должны доказать ее неместный характер, признать ее пришлой, определить место ее первоначальной локализации и проследить ее несомненное перемещение оттуда на описанную территорию. Понимая все это, В. В. Седов, основной исследователь культуры и убежденный сторонник ее славянского характера, пытался ответить на все эти вопросы.

В его представлении данная культура сформировалась первоначально в зоне обитания прибалтийских славян в южной Прибалтике. В качестве доказательства он указывает некоторое сходство керамических типов у западных славян и носителей культуры длинных курганов. Далее, по его мнению, эти племена прошли через Понеманье на территорию Псковщины, куда он относит древнейшие на территории Восточной Европы памятники с длинными курганами, датируя их VII—VIII вв. Потом какая-то часть этих племен начала движение в южном направлении и расселилась в полоцко-смоленском регионе [27]. В качестве доказательства миграции племен культуры длинных курганов из Прибалтики через Понеманье в новую область он приводит наблюдения А. Г. Митрофанова о следах пожаров на городищах со штрихованной керамикой. В. В. Седов истолковывает это как свидетельство разрушения славянами — носителями культуры длинных курганов — местных поселений. Доказательства очень сомнительные. Почему-то, пройдя через эту территорию, носители культуры длинных курганов не оставили никаких собственных памятников. Длинных курганов в Понеманье нет. Исследователь белорусского Понеманья Ф. Д. Гуревич, принявшая одно время за длинные курганы некоторые валлообразные всхолмления, имеющиеся в этой области, проведя раскопки, обнаружила, что это не погребения, а естественные насыпи. Впрочем, нет длинных курганов и в южной Прибалтике, откуда В. В. Седов выводит соответствующую культуру. Их отсутствие в исходной области он пытается объяснить тем, что обычай хоронить остатки кремации под длинными курганами эти племена приобрели после расселения в новых местах. Нетрудно заметить, что кроме серий предположений эта гипотеза ничем не располагает. Поиски аналогий в керамике тоже не очень убеждают. Так обстоит дело с попыткой локализовать в Прибалтике исходную территорию носителей культуры длинных курганов.

Возможно, начальная область длинных курганов располагалась в какой-то другой части прародины славян, характеризующейся керамикой пражского типа? Хотя В. В. Седов не указывает ни на какую другую славянскую область, тем не менее он предпринимает попытку доказать сходство культуры длинных курганов с славянской культурой пражского типа, к тому же почти синхронной ей. Надо сказать, что единственной, а не одной из нескольких славянских культур того времени признано считать именно пражскую культуру. Первоначально она занимала область к северу от Карпат между Эльбой и Вислой, которая была исторической прародиной славян и откуда они начали в V—VI вв. свою великую миграцию на восток и на Балканский полуостров [25, с. 170—213]. На востоке племена пражской культуры заняли территории между Днестром и Днепром, что отмечено и письменными источниками (Иордан), и археологическими материалами [28, с. 198]. Славяне Восточной Европы были отделены от носителей культуры длинных курганов широкой полосой балтских культур — банцеровской и колочинской. Поэтому никаких территориальных контактов между славянами Днестро-Днепровского междуречья и носителями культуры длинных курганов не было. Нет данных и о миграции славян с пражской культурой через территорию банцеровской и колочинской культур в полоцко-смоленский и псковский регион. Миграция славян с юга в то время не прослеживается. Ее просто не было.

О позднем распространении славян севернее Припяти убедительно говорят лингвистические материалы. Славянские гидронимы северной и средней Беларуси более молодые, чем гидронимы к югу от Припяти [29, с. 244; 30, с. 270, 273]. Это говорит о более позднем заселении славянами северных районов восточнославянского ареала. Гидронимика свидетельствует, что заселение славянами северной Беларуси и Смоленщины имело место уже после того, как вышедшая из своей Эльбо-Висланской прародины и закрепившаяся на несколько веков в Днепро-Днестровском междуречье группа славян постепенно оформилась в восточных славян. Иными словами, это были не ранние славяне с общеславянским языком, а представители новой сформировавшейся там ветви — восточные славяне. Это предполагает немалый временной период, который потребовался для языковых преобразований. За своими плечами восточные славяне имели целый этап отдельного существования, в течение которого у них успели сформироваться новые лингвистические структуры, получившие отражение в речной номенклатуре Верхнего Поднепровья.

Этот вывод находит подтверждение и в археологических материалах. Судя по ним, расселение славян в средней и северной Беларуси произошло во второй половине X в., до принятия христианства [25, с. 265—286; 31]. Отсутствуют славянские следы древнее X в., как показывают новые хронологические уточнения, и в Новгородской земле. Самые масштабные раскопки в древнем Новгороде, стратиграфия и хронология которого разработаны лучше, чем где бы то ни было, не обнаружили славянских культурных напластований, более древних, чем X в. [32, с. 187]. Другими словами, славяне никак не могли появиться на севере Беларуси, в Смоленщине, Псковщине и более северных и восточных областях будущей Руси раньше, чем они появились в VI в. южнее Припяти с общеславянской культурой пражского типа.

Тем не менее мы не можем игнорировать те сравнения материалов из пражских памятников и длинных курганов, которые предлагает В. В. Седов. Особенно важны сравнения по тем параметрам, которые отражают этнографическую сущность культур. Это керамика, домостроительство, погребальный обряд. Рассмотрим все по порядку.

Погребальные сооружения культуры длинных курганов — невысокие валообразные насыпи, внутри которых или под ними помещались остатки кремации с довольно бедным вещевым инвентарем. Могильные насыпи бывают длинные и удлиненные. Реже встречаются круглые (сферические). Удлиненные курганы представляют собой невысокие, в среднем до 1,5 м, насыпи длиной до 20 м при ширине около 10 м. Под ними, обычно на горизонте, обнаруживаются трупосожжения, совершенные на стороне. Известны находки пережженных костей, сложенных в горшки. В одном из курганов у д. Хотенчицы были найдены пережженные кости коня, высыпанные в ямку под курганом и накрытые перевернутым сосудом [15]. Длинные курганы имеют вид вала протяженностью до 80—100 м. Ширина их бывает 20 м и больше, высота — 2 м. Курганы длиной свыше 40 м известны в основном на Псковской земле. На Западной Двине и смоленском Поднепровье они сравнительно небольшие.

Число погребений в кургане колеблется от 1 до 22, при этом оно не зависит от длины кургана [33, с. 94]. Обычно сожжение умерших совершалось на стороне. Захоронение остатков кремации производилось по-разному. В одних случаях собранные с погребального костра кальцинированные кости без инвентаря или с поврежденными огнем вещами хоронились в основании кургана (иногда на невысокой подсыпке на ритуальных кострищах). В других — в курганной насыпи на специально выровненной площадке, покрытой тонким слоем красной глины. В третьих — в верхней части курганной насыпи.

Сожженные кости помещались кучкой в ямке от 0,3 до 0,8 м диаметром и от 0,18 до 0,5 м глубиной. Приблизительно половина курганов содержит горшки (урны). В таких курганах остатки сожжения могли быть помещены в урну или в ямку, прикрытую урной. Встречаются и курганы, в которых урна с остатками сожжения перекрыта другим сосудом, поставленным вверх дном, как это было, например, в колочинских бескурганых захоронениях. Отмечены

случаи захоронения в берестяных урнах или прикрытых берестой. Существовало мнение, что длина кургана зависела от количества содержащихся в нем захоронений и соответственно увеличивалась с течением времени. Однако позже В. В. Седовым было установлено, что количество захоронений не определяло длины насыпи. Не было установлено и хронологических различий между длинными и удлинёнными курганами, и зависимости их создания от различий в обрядах. Урновые захоронения чаще встречаются на Полотчине и реже на Смоленщине. Удлинённые и длинные курганы весьма бедны находками. Обычно это грубые лепные горшки, мелкие украшения из бронзы и детали костюма: трапециевидные подвески, спиральки, браслеты, бубенчики, пряжки.

Для погребений пражской культуры характерны как бескурганые, так и курганые трупосожжения. Очищенные от погребального кострища кости сожженного на стороне покойника иногда помещались в горшок, иногда ссыпались в могильную яму рядом с сосудом. При этом на раннем этапе культуры преобладали погребения, в которых остатки трупосожжения хоронили в грунтовой ямке без сооружения над ней насыпи. Таких погребений нет в синхронных могильниках культуры длинных курганов. Интересно, что ранние бескурганые захоронения с урнами совершались на территории самих поселков, рядом с жилищами. Погребальная урна иногда перекрывалась другим сосудом или каменной плиткой. Могильные ямки неглубокие, в плане обычно круглые, диаметром 20—80 см. Некоторые урны находятся непосредственно под дерном. В отличие от бескурганых захоронений курганые могильники всегда расположены за пределами поселений, но достаточно близко от них. Длинных курганов на территории пражской культуры нет.

Таким образом, погребальные обряды у носителей пражской культуры и культуры длинных курганов разные и генетической связи не обнаруживают. А ведь это один из важнейших признаков культуры, по которому можно судить об этнической близости племен или ее отсутствии. В VIII в. культура пражского типа развилась в культуру типа Лука-Райковецкая, которая была столь же далека от культуры длинных курганов и нисколько не приблизилась к ней.

Теперь сравним между собой поселения и постройки рассматриваемых культур. К сожалению, поселения культуры длинных курганов изучены намного хуже погребений. Сравнительно крупные раскопки были проведены на поселениях, оказавшихся позже в пределах некоторых древних городов (Полоцк, Лукомль, Псков, Изборск). Основным типом поселений в рассматриваемое время почти повсеместно стали селища. Они имеют, как правило, небольшой культурный слой, что свидетельствует о недолговременности их функционирования. Известны также и городища, которые принято рассматривать в качестве убежищ, где жители неукрепленных поселков укрывались в случае угрожающей им опасности. Обычно использовались более древние городища, возникшие еще в раннем железном веке. Чистых раскопанных поселений, не осложненных иными более ранними или более поздними материалами, мы практически не знаем. Об их застройке исследователи вынуждены судить на основании тех материалов, которые подстилают древнерусские городские слои. На подобных памятниках, раскопанных в Беларуси (Полоцк, Лукомль), несмотря на значительность исследованных площадей, убедительных данных о характере застройки этих поселений в период обитания на них населения длинных курганов не получено. По существу описывается только керамический материал. Однако в некоторых городах северной и северо-восточной Руси, подвергшихся крупным и качественным раскопкам, материалы о застройке, связанные с культурой длинных курганов, удалось вычленивать из древнерусского, описать и представить в литературе. К числу таких памятников относятся прежде всего Псков и Изборск.

Обнаруженные постройки, относящиеся к культуре длинных курганов, представлены наземными постройками различного типа, чаще срубной конструкции с глиняным полом. Были и столбовые сооружения. Важно отметить, что в отличие от наземных построек культуры длинных курганов, типичной и устойчивой жилой постройкой славянской культуры праж-

ского типа была землянка с печью-каменкой в углу. Кстати, конструкции печей оказались разными. В Изборске выявлено до 150 печей округлой и овальной формы. В. В. Седов реконструирует их как сводчатые, целиком построенные из глины, не имеющие аналогий в местных дославянских финских древностях. Однако это не совсем так. Шноре прямо писала, что такие печи вполне соответствуют латгальским отопительным конструкциям. Несмотря на стремление В. В. Седова провести знак равенства между печами пражско-корчакского типа и культуры длинных курганов, различие между ними достаточно существенно: славянские печи пражско-корчакской культуры были печами-каменками. Это является одним из важнейших признаков пражской культуры. Среди памятников культуры длинных курганов печей-каменок нет. В постройках Изборска и городища Камно были выявлены также открытые очаги, которые, как признает сам В. В. Седов, принадлежали южно-финскому населению [2, с. 57, 58]. Таким образом, как и погребальные памятники, жилища рассматриваемых культур нельзя признать идентичными.

Обратимся к керамическому материалу, которым чаще всего оперируют археологи при решении этногенетических вопросов. Керамика длинных курганов представлена лепными плоскодонными горшками со стенками, суженными ко дну. Некоторые из них имеют округлые плечики и слегка отогнутый венчик. По своей форме некоторые сосуды имеют аналоги в местном прибалтийско-финском керамическом материале. Значительную группу составляют сосуды баночной формы. Большая часть сосудов не орнаментирована. Среди обширного керамического материала Седов выделяет часть сосудов, у которых максимальная ширина приходится на верхнюю треть его высоты. Такие сосуды он называет пражскими и использует в качестве одного из основных аргументов, свидетельствующих, по его мнению, о славянской принадлежности культуры длинных курганов.

Обратимся к славянской керамике пражской культуры. При анализе ее керамического материала четко выделяется наиболее ранний тип пражского сосуда, характеризующийся удлинёнными пропорциями, сужающимся горлом и немного отогнутым венчиком с максимальным расширением в верхней части тулова. На эту особенность ранних пражских сосудов обратил внимание еще И. Борковский. По мнению И. П. Русановой, практически невозможно установить даты по отдельным типам или вариантам посуды, поскольку почти каждый из них живет долго, и только при статистических подсчетах, показывающих преобладание какого-то из них во всем керамическом комплексе, можно наметить приемлемые даты. Данное наблюдение исследователя заставляет быть крайне осторожным по отношению предлагаемых дат, основанных на единичных экземплярах. Это очень важное заключение, которое следует постоянно иметь в виду при сопоставлении керамических комплексов разных культур. Проанализировав и статистически обработав большой керамический материал и проследив за сосуществованием различных керамических типов, И. П. Русанова пришла к выводу, что развитие пражской керамики шло «от высоких стройных сосудов, имеющих прямой короткий венчик, к сосудам более низким, сильнее профилированным и снабженным удлинённым и отогнутым краем» [28, с. 196].

Совершенно очевидно, что среди большого количества вариаций форм посуды всегда можно обнаружить нетипичные, выпадающие из ряда характерных для той или иной культуры или керамического комплекса и приближающихся по форме к керамике, характерной для другой культуры. Так, вероятно, было и с теми сосудами, которые особо выделяет В. В. Седов. Они не могут изменить сложившегося представления о характерных признаках, присущих основному и совсем не славянскому комплексу, и уходит своими корнями в местные дославянские древности. В. В. Седов полагает, что можно наблюдать эволюционный переход керамики длинных курганов в славянскую посуду из круглых курганов. Однако это может касаться только заключительного периода существования культуры длинных курганов, когда в X в. на ее территорию пришли славяне и началась ассимиляция.

Раскопки памятников культуры длинных курганов имеют уже длительную историю, однако вещевой материал из них не столь обилён. Он представлен керамикой, слитками от стеклянных бус, металлическими пряжками, бронзовыми застёжками, браслетами и перстнями, трапециевидными привесками и височными кольцами, а также бляшками и другими металлическими принадлежностями поясного набора. Орудия труда и предметы вооружения встречаются редко. В основном это ножи, серпы, удила, железные шпоры, наконечники копий и стрел. Глиняные пряслица имеют бипирамидную форму и отверстие большого диаметра. Характерной находкой для смоленско-полоцкого региона являются височные украшения. Чаще других встречаются провололочные кольца с заходящими пластинчатыми концами. В целом вещевой комплекс из длинных курганов специфичен и сильно отличается от набора предметов, характерных для славянской культуры пражско-корчакского типа.

Важным аргументом против отождествления носителей культуры длинных курганов со славянами, является различие в уровнях развития хозяйства у тех и других. У славян утвердилось развитое пашенное земледелие, в области же распространения длинных курганов по-прежнему господствовала примитивная подсека со значительной ролью в экономике присваивающих форм хозяйства. Ценный материал по культуре и отношению ее носителей к славянскому этногенезу предоставляют данные о датировке длинных курганов. Наиболее приемлемым периодом создания курганов считалось время с VII по IX в.

В своей концепции появления культуры длинных курганов роль плацдарма В. В. Седов отводил Псковщине и датировал ее самые ранние памятники VII в. Полагали, что древнейшие длинные курганы на территории Беларуси датируются приблизительно VII в. К этому времени относятся курганы в Будранах на Полотчине, где найден узколезвийный топор, характерный для древностей V—VIII вв. Там же, между д. Машули и д. Шалтени, раскопан длинный курган, датированный В-образными пряжками VI—VIII вв. И когда С. А. Тараканова обнаружила в псковских курганах предметы II—IV вв. и предложила значительно удревить длинные курганы, ее предложение было встречено оппонентами весьма скептически.

Однако в последующие годы и в других регионах ареала длинных курганов, в том числе и в Беларуси и на Смоленщине, были найдены предметы, которые делают длинные курганы более древними и практически без хронологического перерыва следующими за местными культурами раннего железного века. Так, раскопанный около д. Янковичи в Россонском р-не длинный курган, содержащий три кремнированных захоронения, датируется найденными в нем бронзовыми бляшками-скорлупками II—VI вв. К этому же времени относятся и материалы из длинного кургана, раскопанного около д. Дорохи Городокского р-на Витебской области [19, с. 20—22. Рис. 7].

Новые датировки противоречат той схеме последовательности распространения культуры, которую предлагал В. В. Седов, и ставят под сомнение идею о приходе культуры длинных курганов со стороны. Более того, получается, что культура длинных курганов сформировалась и занимала указанную ранее территорию уже тогда, когда славян здесь еще не могло быть. Интересно, что особенно древние находки встречаются в эстонских длинных курганах, которые Седов считает несомненно славянскими, но проникшими в курганы до появления на этой территории самих славян. Довольно странное объяснение. Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что культура длинных курганов начала формироваться задолго до того, как на этой территории появились славяне. Хронологически она как бы продолжает существовавшие здесь местные дославянские культуры раннего железного века.

Верхней датой культуры длинных курганов было принято считать VIII—IX вв. Но в своих последних работах В. В. Седов определяет ее IX в. Думается, что правильнее ее довести по меньшей мере до X в. Сам Седов правильно отмечал находки в длинных курганах древнерусских горшков, которые он датировал X в. Именно в X в., по нашим исследованиям, славяне заселяют лесные области Восточной Европы севернее Припяти [25, с. 265—286].

Иной подход в оценке обстоятельств и хронологии славянского расселения на этой территории, новые сравнения материалов длинных курганов с синхронными им подлинно славянскими и местными предшествующими дославянскими памятниками побуждают вновь обратиться к вопросу о месте носителей культуры длинных курганов в славянском этногенезе.

Абсолютная несхожесть материалов из ранних длинных курганов с синхронными славянскими материалами никак не позволяет отождествлять культуру длинных курганов со славянской. Они свидетельствуют о глубоких местных корнях этой культуры, развившейся на местной балтской и, возможно, финно-угорской основе. На это указывают не только находки на длинных курганах балтских и финно-угорских предметов, например, находки украшений из бронзы с выемчатой цветной эмалью, которые считаются типичными для балтских древностей [33, с. 102; 34, с. 27, 28]. Эти предметы намного древнее появления в этих местах собственно славян и не могут быть объяснены непосредственными культурными контактами.

С балтской или балто-финской традицией прожигания места будущего кургана связывают наличие в длинных курганах слоя золы, помещение урны или остатков погребения в каменном ящике, а также каменные выкладки внутри или вокруг некоторых курганов.

Раскопки Е. А. Шмидтом могильника около д. Акатово на Смоленщине показали генетическую связь длинных курганов VII в. с более ранними грунтовыми погребениями культуры, как он полагал, типа Тушемля-Банцеровщина [3, с. 112, 113].

Отмеченные выше примеры сходства некоторых материалов из длинных курганов с эстонскими и другими финно-угорскими материалами можно объяснить не только тесными культурными взаимодействиями и взаимовлияниями, но и участием какой-то части финно-угорского населения в этногенезе носителей культуры длинных курганов.

Эти наблюдения, а также то обстоятельство, что значительная часть ареала культуры на севере приходится на область с ярко выраженной финно-угорской топонимикой, послужили основанием для некоторых исследователей отнести культуру к финно-угорскому этносу.

Если носители культуры длинных курганов не были выходцами из славянской области, то их следует считать этническими наследниками того населения, которое им предшествовало. Учитывая лингвистическую ситуацию, о которой мы упомянули, может показаться, что носители культуры длинных курганов, как и их предки, были финно-уграми. Однако не все так просто, как кажется. В. В. Седов ошибался, когда полагал, что самые ранние памятники культуры длинных курганов расположены в псковском регионе. В действительности пока самые древние длинные курганы (Дорохи, Янковичи, Акатово), которые датируются временем не моложе VI в., известны в полоцко-смоленском регионе. А этот регион находится в пределах древней балтской лингвистической области. Это обстоятельство позволяет предполагать балтскую принадлежность носителей культуры длинных курганов и последующее расселение их за пределы полоцко-смоленского региона. И хотя исследователи относят их к культуре типа Банцеровщина-Тушемля, может быть, правильнее будет отнести указанные памятники к начальной фазе культуры длинных курганов, поскольку для классической банцеровско-тушемлинской культуры характерны не курганные, а грунтовые захоронения. Этим памятникам здесь предшествовала Днепро-Двинская культура раннего железного века. И это нам представляется очень важным, поскольку именно в ее ареале разовьется вскоре культура длинных курганов. По Е. А. Шмидту, Днепро-Двинская культура в пределах России занимает почти всю Смоленскую область, западные окраины Калужской области, север Брянской и южные районы Псковской и Тверской областей. В Беларуси он включает в ареал культуры северо-восточную часть Могилевской и всю северную часть Витебской областей.

Уточняя ареал культуры, В. И. Шадыро включает в него Освейщину, Миорский и часть Браславского районов и проводит западную границу от Дунилович через Воропаево на Браслав и Краславу (Латвия) [35, с. 106, 107].

Надо заметить, что в Днепро-Двинской культуре очень сильно ощущается финно-угорский субстрат (наличие в течение длительного времени текстильной керамики), который проявил себя и в культуре длинных курганов.

По В. В. Седову, миграция племен с культурой длинных курганов в северном направлении сопровождалась вытеснением некоторой части аборигенного финно-угорского населения к северу [36, с. 361]. Оставшаяся его часть постепенно смешалась с мигрантами.

Впрочем, миксация могла дать и другой результат. Начавшие свое продвижение носители культуры длинных курганов в процессе смешения с местным финно-угорским населением, значительно уступая ему по численности, могли быть поглощены этим этносом. Основания предполагать такой вариант развития событий дает отсутствие данных о распространении в северных областях Восточной Европы балтской топонимики (гидронимики), которую могли бы принести с собой балтские мигранты. Приход новых племен мог ограничиться распространением обряда захоронений в длинных курганах без смены этноса. В таком случае культуру длинных курганов можно было бы определять как полиэтничную: балтскую на юге и финно-угорскую на севере. Археологи прослеживают преемственность в погребальной обрядности носителей культуры длинных курганов и местного финно-угорского населения [37, с. 42—56]. Можно отметить также то, что историческое время застаёт в северной части ареала длинных курганов финно-угорские народы.

Предположим, что расселение носителей длинных курганов проходило беспокойно и надолго обострило отношения между ними и аборигенами, а позже привело к призыванию в 862 г. сюда варягов. Напомним, что в составе обратившихся к Рюрику были племена именно этой области: чудь, весь, меря, кривичи и, по-видимому, племена новгородских сопок, которых летописец ошибочно называет славянами. Славян там тогда еще не было.

В X в. на смену длинным курганам пришли круглые с одиночными захоронениями, типичные и для всего остального славянского мира Восточной Европы. В длинных курганах появляются славянские сосуды, что свидетельствует о начале смешения носителей длинных курганов со славянами. Этим веком можно условно датировать окончание функционирования культуры длинных курганов, хотя реально процесс смешения балтов со славянами в отдельных местах мог затянуться и на более длительный период. Думается, что во времена Владимира Святославича славянизация племен с длинными курганами еще не завершилась. Летописные кривичи этого времени, а также голядь на Смоленщине были прямыми потомками носителей культуры длинных курганов. В процессе миксации они составили этнокультурный субстрат той группы древнерусской народности, которая расселилась на их территории.

Следует полагать, что летописный этноним «кривичи» является производным от этнонима, которым именовали себя или под которым были известны у соседей носители длинных курганов. Об этом, несомненно, говорит совпадение локализации памятников культуры с той территорией, куда русская летопись помещает кривичей. Не углубляясь в этимологию и истоки происхождения самого начального этнонима, можно считать установленным, что термин «кривичи» является славянизированным названием или самоназванием носителей культуры длинных курганов, к имени которых было добавлено славянское патронимическое окончание *-чи*. Поэтому есть основания говорить о том, что русская летопись сохранила, пусть и в трансформированном виде, имена северных соседей славян, расселившихся в V—VI вв. в Днепро-Днестровском междуречье.

В XI в., когда составлялся летописный свод, этих племен уже не было. Но их имена сохранились в названиях их потомков. Так, практически до XII в. жителей Полоцкой и Смоленской земель летопись нередко называла кривичами. Теперь мы знаем, что славянам в этом регионе предшествовали носители культуры длинных курганов. Население Белорусского Посожья летопись называла радимичами. Им предшествовали здесь носители колочинской культуры. Область между Припятью и Западной Двиной русская летопись отводила

дреговичам. Здесь им предшествовали носители банцеровской культуры. Такое территориальное совпадение летописных этнонимов и археологических культур предшествовавшего Руси периода не могло быть случайным. И хотя названия «кривичи», «радимичи» и «дреговичи» выглядят вполне славянскими, их корневая основа не связана со славянским языком. Понять историю их возникновения позволяют лингвистика и археология.

Лингвисты предложили убедительные объяснения происхождению этих этнонимов. Так, по мнению известного лингвиста Г. А. Хабургаева, специально исследовавшего этнонимемику «Повести временных лет», этноним «дреговичи» представляет собой славянизированную форму имени, которое могла иметь одна из групп древнего балтского населения между Припятью и Западной Двиной. В литовском языке и сейчас много слов с корнем *dregnas* — влажный, *dregme* — сырость, который имеется в этнониме «дреговичи». Имя «радимичи» тоже можно вывести из балтского языка. Ближе к нему литовское слово «*gadimas*» (нахождение), «*radimiete*» (местонахождение) [38, с. 196, 197].

Подобным образом название «кривичи» Б. А. Рыбаков связывал с именем литовского верховного жреца «Кривее» — «Кривейте» [39, с. 106]. По Хабургаеву же, оно связано с особенностями местности — холмистой или «кривой». Это принимает и М. Ф. Пилипенко [38; 40, с. 32—42]. Вероятнее всего, однако, этноним «кривичи» тоже развился из названия местного балтского племени, которое могло носить имя «крив» — «кривас», преобразованное затем славянами в «кривичи» добавлением славянского патронимического суффикса — *ичи*.

Заметим, что сам летописец рассматривал славянские этнонимы «кривичи», «дреговичи», «радимичи» как вторичные, появившиеся после расселения славян в Восточной Европе. Раньше все славяне называли себя одним общим именем — славяне. Весьма вероятно, что славяне, расселившиеся в верховьях Западной Двины и Днепра, вступили в контакт с племенами культуры длинных курганов, которые и называли себя именем с корнем «крив». Славяне стали называть их и их потомков по-своему «кривичами». Позже это название постепенно закрепилось и за самими славянами этой области. Косвенным подтверждением такого предположения может служить то, что латыши до сих пор называют русских именем *krievs*. Это можно рассматривать в качестве указания на то, что сами предки латышей себя так не именовали, а называли этим именем своих восточных соседей, какими и были носители культуры длинных курганов. С появлением на этой территории славян данный термин продолжал обозначать восточных соседей латышей, но теперь уже славян, а позже современных русских. Хотя по одним названиям не всегда можно судить о степени участия населения с культурой длинных курганов в судьбах расселившихся на их территории славян, показателями влияния носителей культуры длинных курганов являются или могут быть признанными некоторые изменения в антропологическом типе славян этой территории. Нельзя не отметить влияния носителей культуры длинных курганов и на материальную культуру славян. Обратим внимание на заимствование славянами местного большого опыта в деревянном строительстве, как и в деревообработке вообще, утверждение срубных построек в качестве основного типа, использование в домостроительстве шул.

Общеизвестно, что при тесных этнокультурных взаимодействиях победу, как правило, одерживает этнос с более высокой культурой. Славяне пришли в рассматриваемый регион с более продвинутой земледельческой культурой, плугом и сохой, оснащенных металлическими наконечниками, с более крупными и совершенными орудиями уборки урожая, с каменными жерновыми мельницами. Однако и у местного населения был накоплен большой опыт в использовании природных ресурсов в условиях лесной зоны: охоте, собирательстве, рыболовстве. Эти достижения в культуре местных племен, несомненно, были восприняты славянами, что обогатило их культуру и может рассматриваться как вклад населения культуры длинных курганов в этнокультурное развитие славян. Наконец, нельзя не учитывать и генетического вклада носителей культуры длинных курганов в славянский этнос, который неиз-

бежен при этнической миксации. Славяне не истребили местное население, а очень быстро смешались с ним. Настолько быстро, что летописцы почти не заметили его. Можно надеяться, что недалеко то время, когда на основе новых геномолекулярных методов мы сможем установить и количественные соотношения славянского и неславянского населения, принявшего участие в миксационных процессах по различным регионам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М. : Наука, 1970.
2. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР : в 20 т. М., 1982.
3. *Шмидт Е. А.* Археологические памятники второй половины I тыс. н. э. на территории Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1963. Вып. 5.
4. *Дук Д. У.* Полацк і палачане (IX—XVIII стст.). Наваполацк, 2010 ; *Левко О. Н.* Витебск. Древние города Беларуси. Минск, 2010 ; Археалогія Беларусі : у 4 т. Мінск, 2000. Т. III : Сярэднявяковы перыяд (IX—XIII стст.).
5. *Сизов В. И.* Длинные курганы в Смоленской губ. // Тр. XI Археологического съезда. М., 1902.
6. *Спицын А. А.* Удлиненные и длинные русские курганы. Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Спб., 1903. Т. 5. Вып. 1.
7. *Артамонов М. И.* Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Л., 1967.
8. *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1953 ; *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М. ; Л., 1966.
9. *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // Материалы и исследования по археологии СССР. № 152.
10. *Тараканова С. А.* Раскопки в псковском кремле // КСИИМК. Вып. XXI. М., 1947 ; *Она же.* Длинные и удлиненные курганы // СА. Вып. XIX. М., 1954.
11. *Шноре А. Д.* Асотское городище. Рига, 1961.
12. *Шмидехельм М. Х.* Каменные могилы в северо-восточной Эстонии // КСИИМК. Вып. XLII. М., 1952 ; *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955.
13. *Аун М.* Исследование курганов в Пылъваском р-не // Изв. АН Эстонской ССР. Сер. «Общественные науки». № 1. Таллин, 1976 ; *Она же.* Длинные курганы в Лаоссина // Изв. АН Эстонской ССР. Сер. «Общественные науки». № 1. Таллин, 1977 ; *Она же.* Курганный могильник у д. Рысна-Сааре // Изв. АН Эстонской ССР. Сер. «Общественные науки». № 1. Таллин, 1978 ; *Она же.* Курганные могильники восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н. э. Таллин, 1980 ; *Она же.* Об исследовании курганного могильника Рысна-Сааре II // Изв. АН Эстонской ССР. Сер. «Общественные науки». № 4. Таллин, 1980.
14. *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // МИА. Вып. 76. М., 1960 ; *Она же.* Курганы у д. Полибино на р. Ловати // Краткие сообщения Ин-та археологии (далее КСИА). М. ; Л., 1962. Вып. 87.
15. *Гуревич Ф. Д.* О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии // КСИИМК. Вып. 72. М. ; Л., 1958.
16. *Ляўданскі А. М.* Археалёгічныя досляды ў Полацкай акрузе // Працы Археалёгічнай камісіі. Т. II. Менск, 1930.
17. *Штыхов Г. В.* Археология Полоцкой земли за 50 лет // Древности Белоруссии. Минск, 1969.
18. *Штыхаў Г. В.* Крывічы. Мінск, 1992.
19. Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1972.
20. *Шмидт Е. А.* Раскопки длинных курганов в Смоленской обл. // КСИИМК. М., 1954. Вып. 54 ; *Она же.* Результаты изучения археологических памятников Смоленской области в 1949—1950 гг. // Сб. науч. работ Смоленского краеведческого науч.-исслед. ин-та. Смоленск, 1957. Вып. 1 ; *Она же.* Археологические памятники бассейна р. Угры в пределах Смоленской обл. // Сб. науч. работ Смоленского краеведческого науч.-исслед. ин-та. Смоленск, 1958. Вып. 2 ; *Она же.* Длинные курганы у д. Цурковки в Смоленском р-не // СА. 1958. № 3 ; *Она же.* Поле погребений и курганы у д. Акатово Смоленской обл. // СА. 1962. № 4 ; *Она же.* Археологические памятники второй половины I тыс. н. э.

на территории Смоленской обл. // МИСО. Смоленск, 1963. № 5 ; *Он же*. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тыс. н. э. // МИА. М., 1963. № 108 ; *Он же*. Некоторые результаты изучения памятников третьей четверти I тыс. н. э. в Смоленском Поднепровье // Древности Белоруссии: материалы конф. по археологии Белоруссии и смежных территорий. Минск, 1966 ; *Он же*. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М., 1968 ; *Он же*. Балтийская культура в верховьях Днепра во второй половине I тыс. н. э. // Acta Baltica Slavica. T. VI. Bialostok, 1969 ; *Он же*. К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов // МИСО. Смоленск, 1970. № 7 ; *Он же*. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины // Древние славяне и их соседи. М., 1970 ; *Он же*. Об этническом составе населения Гнездова // СА. 1970. № 3 ; *Он же*. Особенности формирования культуры восточнославянского племени кривичей // Actes VII Congres International des Sciences Prehistories et Protohistories. Praha, 1971. № 2 ; *Он же*. О некоторых особенностях курганных погребений XI—XIII вв. в земле кривичей // Новое в археологии : сб. ст., посвящ. 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972 ; *Он же*. Племена Смоленского Поднепровья и Подвинья в эпоху великого переселения народов // Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. Смоленск, 1972 ; *Он же*. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III—VII вв. н. э. // Тушемлинская культура. Смоленск, 2003 ; *Он же*. Заозерье. Археологический комплекс IV—XII вв. Смоленск, 2008.

21. *Чернягин Н. Н.* Длинные курганы и сопки // МИА. М., 1941. Вып. 6.

22. *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). М., 1960 ; *Он же*. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах // Культура древней Руси. М., 1966 ; *Он же*. Раскопки курганов в Верхнем Поднепровье // КСИА. М., 1971. Вып. 129 ; *Он же*. Длинные курганы кривичей // Свод археологических источников. М., 1974. Вып. E1-8 ; *Он же*. Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг. // КСИА. М., 1975. Вып. 144 ; *Он же*. Лепная керамика Изборского городища // КСИА. М., 1978. Вып. 155 ; *Он же*. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982 ; *Он же*. Древнерусская народность. М., 1999.

23. *Загорюльский Э. М.* Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.). Минск, 1977.

24. *Загорюльский Э. М.* Этническая атрибуция памятников второй половины I тыс. н. э. на территории Белоруссии // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. Минск, 1996. № 3.

25. *Загорюльский Э. М.* Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси. Минск, 2012.

26. *Загорюльский Э. М.* Белая Русь с середины I тыс. до середины XIII века. Минск, 2013.

27. *Седов В. В.* Кривичи // СА. 1960. № 1.

28. *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. (культура пражского типа). М., 1976.

29. *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

30. *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.

31. *Загорюльский Э. М.* Пераадоленне паганства падчас хрысціянiзацыi заходнiх земляў Русi // Гiст. часоп. Мiнск, 2009. № 8.

32. *Колчин Б. А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // МИА. М., 1956. Вып. 55.

33. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

34. *Моора Х. А.* О древней территории расселения балтийских племен // СА. 1958. № 2.

35. *Шадыро В. И.* Ранний железный век северной Белоруссии. Минск, 1985.

36. *Седов В. В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

37. *Носов Е. Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тыс. н. э. // СА. 1981. № 2.

38. *Хабургаев Г. А.* Этнонимика Повести временных лет. М., 1979.

39. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества. М., 1982.

40. *Пилипенко М. Ф.* Возникновение Белоруссии. Минск, 1991.

Статья поступила в редакцию 24 июня 2013 г.